

23 апреля (6 мая)

Священномученик
Иоанн Ансеров

Священномученик Иоанн родился 8 сентября 1873 года в селе Чарус Касимовского уезда Рязанской губернии в семье пономаря Успенской церкви Дмитрия Максимовича Ансерова и его супруги Елизаветы Акимовны. В 1887 году Иван окончил по первому разряду Касимовское Духовное училище, в 1893-м – Рязанскую Духовную семинарию и был назначен учителем в Лубоносскую церковноприходскую школу. В 1894 году Иван Дмитриевич был рукоположен во диакона к Успенской церкви в селе Чарус, 27 июля 1897 года – во священника к Преображенскому собору в городе Спасске Рязанской губернии. В том же году отец Иоанн был назначен на должность законоучителя нижних чинов управления Спасского уездного воинского начальника и безвозмездного исполнителя для них треб. В 1898 году он был назначен на должность законоучителя Спасского женского начального училища и избран казначеем Братства Всемилового Спаса при Преображенском соборе. В 1913 году отец Иоанн был назначен преподавать Закон Божий в Спасскую женскую гимназию. Был возведен в сан протоиерея.

К Преображенскому собору в советское время была приписана небольшая деревянная Успенская церковь, которую называли Боровой из-за леса, в котором она находилась; при ней жили около десятка монахинь, присматривавших за храмом.

В конце двадцатых годов власти приступили к закрытию всех храмов в городе. В 1929 году председатель городского совета предложил верующим передать Успенскую церковь под ссыпку зерна; для обсуждения этого вопроса был созван церковный совет, который предложил направить священника и старосту храма на переговоры с представителями властей. После этого домой к отцу Иоанну пришел редактор местной газеты и, беседуя с ним на различные темы, между прочим сказал, что и Преображенский собор непременно будет закрыт.

В феврале 1930 года в собор явилась посланная властями комиссия, и стало ясно, что замышляется нечто серьезное. Отец Иоанн посоветовал общине направить своих представителей с ходатайством в Москву. После поездки в Москву власти хотя и не дали никакого официального ответа на письменное ходатайство верующих, но храм не закрыли.

Успенская церковь находилась на краю кладбища и не была огорожена; у колокольни, стоявшей отдельно, не было замка, и окрестные мальчишки свободно проникали вовнутрь, и жившим рядом монахиням не раз за день приходилось осматривать колокольню и храм и закрывать дверь колокольни на палку. Звон колоколов к этому времени безбожниками был уже запрещен.

27 мая 1931 года протоиерей Иоанн совершил в Успенской церкви литургию, которая, начавшись в семь часов, закончилась в половине девятого. Днем храм и колокольню несколько раз осматривали монахини, но ничего подозрительного не заметили. Около трех часов дня загорелась колокольня, и пламя быстро перекинулось на храм. В результате колокольня и деревянный храм полностью сгорели, спасены были только иконы. Поскольку пожар начался

внутри колокольни и на значительной высоте, то у многих возникла мысль о поджоге, и по городу поползли слухи, что храм подожгли безбожники, для того чтобы обвинить в поджоге верующих.

Через три дня, 31 мая, протоиерей Иоанн Ансеров, староста храма и двенадцать монахинь были арестованы и заключены в тюрьму в городе Спасске; их обвинили в антисоветской деятельности и поджоге храма.

Выслушав вопросы следователя, протоиерей Иоанн сказал: «На вопрос лишения меня права голоса, правильно ли это или нет, дать исчерпывающий ответ не могу, затрудняюсь. Хотя считаю, что, наверное, у государства взгляды дальновиднее, нежели у нас. Вопросом раскулачивания, поскольку и меня постигла та же участь, был недоволен, но свой ропот и негодование я на широкий круг людей не выносил. Современной властью и проводимыми ею мероприятиями душевно был недоволен... С монахинями Боровой церкви и Соборной церкви жили между собой хорошо... мы в своем кругу никогда не обсуждали вопроса о сохранении Боровой церкви, зная о том, что если что и сделается, то, значит, то угодно Господу, но в наших интересах было сохранение собора – для большего удобства для верующих. О налоговой политике и вообще, что налоги всегда бывают велики и церковь по своим доходам не может их погасить, то мною делались обращения к верующим об усилении пожертвований с целью погашения долгов государству».

Одна из свидетельниц обвинения показала, что «Ансеров в момент выселения кулаков, а в особенности когда они сидели в клубе кожевников, говорил: “Вот мученицы Божии. Какое же они зло сделали коммунистам, что их выселяют?” И тут же добавил: “И нас, наверное, будут выселять; у самих дело не клеится, социализм не строится, и они срывают зло на них и на нас”. Жена Ансерова, Мария Григорьевна, даже готовилась к выселению и сушила сухари».

30 июня 1931 года следствие над священником, старостой храма и монахинями было закончено. В обвинительном заключении следователь написал: «Общежитие монашек загородной Боровской церкви и Спасского городского собора является не чем иным, как нелегальной общиной монашек монастырского типа, со всеми правилами монастырской и келейной жизни. Причем их общежитие служит убежищем и сборищем всего антисоветского элемента: кулачества, торговцев, раскулаченных и т. п. как города Спасска, так и окружающих сел, куда собираются под видом совершения религиозных обрядов и ведут беседы на различные антисоветские темы... критикуют мероприятия советской власти и через посредство же прихожан распространяют различного рода контрреволюционные антисоветские слухи, направленные к срыву мероприятий советской власти и хозяйственно-политических кампаний, а также к созданию среди населения враждебного отношения к советской власти, как власти “антихриста” и безбожников, ведущих народ по ложному пути сатаны, стараясь все это обосновать и доказать прихожанам на основе различного рода “священных” писаний, проповедуя скорую кончину мира за грехи и дела большевиков-“антихристов”, называя все мероприятия советской власти делами “антихриста”, используя при этом все средства церковно-монастырского обихода, религиозные предрассудки и фанатизм прихожан...»

Основываясь на том... что в печати появились заметки о закрытии церковью и передачи их под культурные очаги организованного населения, не принимали никаких мер к созданию и приобретению противопожарного инвентаря при загородной Боровской церкви...

27 мая 1931 года... совершили умышленный поджог загородной Боровской церкви, находившейся под охраной проживающих рядом с ней в доме монашек...

В целях же прикрытия умышленного поджога церкви, участники группировки распространяли провокационные слухи о том, что церковь подожгли сами коммунисты и колхозники с той целью, чтобы освободить церковный участок под свой колхоз, пытаясь этим самым возбудить верующих против советской власти, компартии и колхозников и избежать наказания за поджог церкви...»

9 августа 1931 года тройка ОГПУ приговорила протоиерея Иоанна к пяти годам ссылки в Казахстан, и он был отправлен в глухое село в Чимкентскую область.

В конце 1934 года протоиерей Иоанн вернулся из ссылки и вновь стал служить в Преображенском соборе, который оставался в это время последней действующей церковью в городе.

Безбожники разрушали и уничтожали не только храмы, где совершалось богослужение, но и все, что было связано с историей и культурой русского народа.

«Лицу свежему, постороннему и авторитетному, мы думаем, на месте ярче представится картина убожества предлагаемой ветхой церковки, стоящей на кладбище, – с разрушенной фасадной каменной стеной, кирпич от которой взят городским советом на свои строительные надобности, с разрушенными надгробными памятниками, крестами и решетками... – писали верующие в очередной своей жалобе. – Горсовет от 15 декабря 1934 года постановил: “Ввиду недостатка кирпича для строительства снести стену на кладбище, употребив кирпич для строительства, заменив ограду деревянной”. До сих пор ограда не восстановлена, и кладбище находится под угрозой большого разрушения, а кладбище у нас одно – для всех».

23 февраля 1935 года Президиум Московского областного исполкома, в ведение которого входил тогда город Спасск, принял решение о закрытии Преображенского собора. Верующие, опротестовывая это решение, направили вышестоящим властям жалобу. Они писали: «8 марта 1935 года Исполнительный орган религиозной общины Соборной церкви города Спасска... был призван в помещение РИКа, и ему было объявлено постановление Московского облисполкома о закрытии... Собора в городе Спасске... причем содержание этого постановления было только прочитано, а копии его не выдано. Изъимется здание Собора из пользования религиозного общества в целях его надобности для звукового кино и устройства водокачки, а религиозному обществу предложено взять в пользование здание ветхой, деревянной церкви... которая до сего времени – более пяти лет – находилась под ссыпкой зерна... На предвыборных и выборных собраниях в Горсовет в пунктах “наказа” ставился “пункт” об отобрании или закрытии Собора и голосовался. Бывшие на собраниях верующие могли только частично высказываться отрицательно по этому вопросу, то есть за оставление Собора за верующими... Вот таким образом, вероятно, собралось значительное число голосов как бы за отобрание Собора в исполнение пункта “наказа” и представлено в качестве материала в областную комиссию по рассмотрению религиозных вопросов... Верующие... обратились в областную комиссию со своим заявлением с приложением подписей верующих в количестве 1541; в этом заявлении было изложено ходатайство об оставлении в пользовании верующих Соборного храма и приведены основания в пользу положительного

решения этого вопроса, а именно: большое количество верующих – от 2500 до 3000 человек и непригодность упомянутой ветхой деревянной кладбищенской церкви...»

Однако, несмотря на жалобы верующих, Президиум ВЦИКа постановил собор закрыть. В ответ верующие направили новое ходатайство. «30 сентября 1935 года, – писали они, – местной властью у нас изъят Соборный храм – единственный во всем городе, где верующие находили себе утешение. Кроме этого храма, в городе имеется еще ветхая деревянная кладбищенская церковь, которая изъята местной властью около семи лет под засыпку зерна...

Какие мотивы или какая нужда заставили местную власть изъять последний храм?.. Нужно справедливо сказать, что Соборный храм со всею утварью и ценностями был по договору сдан обществу верующих и содержался в должном порядке и ценности охранялись по всем правилам советской законности.

Ныне этот Соборный храм приведен в самое плохое состояние – так, например, половина его, называемая теплою, занята Райпотребсоюзом под склад разных товаров, и в этой половине весь иконостас сломан и уничтожен, как будто после какого-либо нашествия иноплеменных. Во второй половине Собора, называемой холодной, насыпано зерно... иконостас частично стоит, но иконы из него изъяты и проданы. Ценности и весь инвентарь и все имущество... увезено.

Все выше описанное происходило без ведома общества верующих, которые вот уже седьмой месяц ходатайствуют перед местной властью о возврате храма... но местная власть или не хочет, или просто маринует массу под предлогом: как освобожу, так отдам...

Верующие не остановились на этом растяжимом ответе – неоднократно обращались в ЦК, где получали ответы более удовлетворительные, – но положение дела остается в неразрешимом состоянии.

Общество верующих мыслит, что в Советском Союзе не может быть такого гнусного отношения к массе до 3000 человек...

На основании выше изложенного общество верующих просит ЦК оказать ему реальную помощь о возврате храма, так как таковой взят без ведома верующих и без мотивов...»

Власти все же постановили взамен собора отдать верующим кладбищенскую Вознесенскую церковь, но председатель Городского совета распорядился не отдавать и ее.

13 июля 1936 года верующие снова отправили жалобу во ВЦИК. «С октября 1935 года по закрытии в Спасске последней приходской церкви... до настоящего времени мы, верующие города Спасска, в числе более 2500 человек, лишены возможности удовлетворять свои религиозные потребности за отсутствием молитвенного здания.

После целого ряда ходатайств ВЦИК распорядился предоставить нам, верующим, кладбищенскую полевую деревянную церковь, которая была под зерном более семи лет. С февраля сего года мы, верующие, никак не можем получить в свое пользование и этого храма. Председатель Горсовета Обухов под разными предлогами дело передачи храма затягивает, ссылаясь на то, что зерно девать некуда. Наконец, в июне зерно отгружено, со стороны верующих 11 июня подано в Горсовет заявление о готовности принять здание... Проходит месяц, и Обухов, обещавший не раз выполнить приказ ВЦИКа и уважить просьбу верующих, как очевидно, совсем не намерен нам передать кладбищенский храм, – готовя его опять под засыпку зерна.

Испытывая острую, неотложную нужду в молитвенном помещении... и не получая на месте должного удовлетворения ни от Горсовета, ни от прокурора, мы снова обращаемся во ВЦИК и просим подтвердить распоряжение председателю Горсовета Обухову без замедления сдать полевую кладбищенскую церковь нам, верующим, чтобы за летнее время мы могли приспособить ее для своих религиозных нужд. Хождение по соседним церквям за 4 и 5 километров далеко не удовлетворяет нас, вызывает скорбь и обиду при сознании той свободы вероисповедания, о которой упоминается в конституции. Такое многочисленное общество верующих – и не имеет специального помещения для своих молитвенных собраний при наличии имеющегося свободного кладбищенского храма!

Для зерна в городе Спаске очень много есть складов, и пора бы председателю Горсовета Обухову привести в исполнение распоряжение ВЦИКа – передать нам, верующим, кладбищенскую церковь».

23 июля 1936 года в ответ на запросы ВЦИКа председатель Городского совета отписал, что просьба верующих удовлетворена.

В разгар гонений на Русскую Православную Церковь сотрудники НКВД приступили к очередным арестам священников города Рязани и области. 5 февраля 1938 года они арестовали священника Александра Светлова, служившего в одном из сел Рязанской области и с 1919 года бывшего секретным осведомителем НКВД. Следователь заявил ему, что в целях пресечения враждебной деятельности других лиц арестованный должен дать соответствующие показания. Тот согласился и подписал протоколы с показаниями, написанными следователем. Затем лжесвидетель записал под диктовку следователя дополнительные показания, за что ему было обещано освобождение.

Основываясь на подобного рода лжесвидетельствах, сотрудники НКВД 21 февраля 1938 года арестовали протоиерея Иоанна Ансерова, заключили в тюрьму в городе Рязани и сразу же стали допрашивать.

– Следствие располагает данными, что вы, будучи контрреволюционно настроенным, среди населения вели контрреволюционную агитацию. Вы подтверждаете это? – спросил священника следователь.

– Нет, не подтверждаю, контрреволюционной деятельности среди населения я не вел, – ответил отец Иоанн.

– Вы даете неверные показания. Следствием установлено, что вы являетесь активным участником контрреволюционной организации. Дайте правдивые показания.

– В контрреволюционной организации я никогда не состоял и не состою.

– Вы продолжаете давать неверные показания. Вам зачитывается выдержка из показаний обвиняемого Светлова Александра Сергеевича, что в состав контрреволюционной церковно-повстанческой группировки города Спаска входил священник Ансеров... Вы подтверждаете эту часть показаний Светлова?

– Нет, не подтверждаю. Показания обвиняемого Светлова неправдоподобны.

– У вас что, плохие взаимоотношения со Светловым?

– Нет, взаимоотношения мои со Светловым нормальные, ссор и личных счетов с ним не имел и не имею.

3 апреля следователи устроили очную ставку священника Александра Светлова с отцом Иоанном.

– Дайте показания о контрреволюционной деятельности Ивана Дмитриевича Ансерова, – обратился следователь к Светлову.

– Мне хорошо известно, – ответил тот, – что Иван Дмитриевич Ансеров, так же как и я, враждебно настроен к существующему советскому строю и коммунистической партии; входя в нашу контрреволюционную повстанческую организацию церковников, он среди граждан города Спасска систематически на протяжении ряда лет проводил антисоветскую деятельность, клеветал на советскую власть и коммунистическую партию... Кроме того, как участник контрреволюционной организации, посещал нелегальные сборища нашей организации, где также высказывался о необходимости ведения борьбы с советской властью.

– Вы подтверждаете показания Светлова? – спросил отца Иоанна следователь.

– Нет, я этого не подтверждаю, так как я в контрреволюционной организации не состоял и антисоветской деятельностью не занимался.

8 апреля 1938 года следствие было закончено. 23 апреля Особое Совецание при НКВД приговорило протоиерея Иоанна к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере. 27 мая 1938 года он с очередным этапом был доставлен в Карлаг. В тяжелых условиях заключения он быстро лишился здоровья, и его, как потерявшего трудоспособность на 90%, перевели в группу инвалидов. Протоиерей Иоанн Ансеров скончался в Карлаге на лагерной командировке Бурма 6 мая 1940 года и был погребен в безвестной могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Апрель». Тверь. 2006. С. 249-257